

Хань Юй потирал пальцами брови, небрежно перелистывая книги на столе.

Но он не ожидал, что Линь Сяоча придет к нему.

Когда он услышал шаги, его пальцы, сжимавшие брови, остановились. Он медленно поднял глаза и посмотрел на маленькую женщину, которая разговаривала с Сянмином у двери.

Она не выглядела слишком счастливой, но на ее лице была нежная и вежливая улыбка.

"Простите, я зашла не туда и побеспокоила вас".

Сказав это, она неторопливо повернулась.

Естественно, Линь Сяоча не пошла не туда, а намеренно пришла к ним.

Она была готова упасть в обморок от голода.

Хань Юй не притрагивался к смертным вещам, марионетка Сянмин тоже не ела. Они совсем забыли о ней, смертной, которая голодала целый день.

Поэтому она пришла сюда, чтобы обозначить свое присутствие.

Хотя она немного нервничала, увидев Хань Юя, люди не были сделаны из стали. Только при недостатке зернохранилища она могла беспокоиться об этикете. Самым важным было сначала решить проблему с едой и одеждой.

Пройдя несколько шагов, она подперла лоб рукой и остановилась.

Сянмин: "Сяоча, что с тобой?"

У нее было бледное лицо, и ее маленькая рука махала: "Ничего, ничего".

Она слабо прислонилась к стене, такая жалкая.

Сегодня она участвовала в испытании горы Тяньюй. Изнеможение было слишком сильным, и она не ела еще целый день. В данный момент уровень сахара в крови был очень низким.

В это время Хань Юй отложил свиток и посмотрел на нее из-за двери: "Почему бы тебе не сказать это, когда ты голодна?".

Линь Сяоча опустила ресницы, и ее бледное лицо казалось покрасневшим. Она закусила губу и покачала головой, выглядя смущенной.

Все было так же, как и два года назад, и она стеснялась сказать, что голодна, так глупо.

Раздражительность в сердце Хань Юя тихо исчезла, и в его глазах появилось немного мягкости.

"Я сказал, не кусай губу".

Линь Сяоча разжала губы: "Сянжун, тогда я пойду первой".

"Подойди." В его слабом голосе звучала неуловимая нежность.

Линь Сяоча больше не медлила. Она послушно подошла к Хань Юю.

Если бы она сдерживала себя, то могла бы действительно упасть в обморок.

Она послушно села в стороне.

Сяньцзюнь.

Я проголодалась. Что ты дашь мне поесть?

Однако Хань Юй не ел ничего, как и кукла, которую он сделал.

Хань Юй посмотрел на Сянмина: "Сходи в столовую и принеси еду".

Для удобства новых студентов, которые еще не достигли бигу, на горе Тяньюй открыли столовую. Хань Юй попросил Сянмина сходить туда за едой.

[T/N: Бигу - это даосский метод голодания. Когда культиватор достигал определенной стадии, он мог получать энергию из окружающей духовной энергии и больше не нуждался в еде].

После ухода Сянмина в учебной комнате остались только Линь Сяоча и Хань Юй.

"Если ты хочешь пить, то можешь сама налить себе воды". Сказав это, он взял книгу и продолжил читать. Его выражение лица не было красивым, а между бровями появилась легкая складка.

Он больше не хотел, чтобы Линь Сяоча говорил с ним об ученичестве.

Линь Сяоча была так хороша. Как она могла не заметить, что у него плохое настроение? Она не стала бы говорить о том, что делает его несчастным.

Если она и будет говорить об этом, то только после того, как хорошо поест.

Хань Юй смотрел на книгу, но не мог прочесть ни слова.

Он медленно поднял глаза и увидел, что она сидит прямо рядом с ним. Она дергалась то вправо, то влево и, казалось, специально избегала смотреть на него.

Он почувствовал, как необъяснимая раздражительность снова забурлила в его сердце. Он отбросил книгу в сторону.

Звук упавшей на стол книги встревожил Линь Сяоча.

Она подняла голову, робко посмотрела на Хань Юя и невинно спросила: "Сяньцзюнь, в чем дело?".

Хань Юй вздохнул, продолжая пощипывать пальцами виски и не обращая на нее внимания.

К счастью, Сянмин работал энергично и решительно. Вскоре он вернулся в кабинет с огромным подносом.

Он не знал, что любит есть Линь Сяоча и сколько она хочет съесть, поэтому принес все блюда из столовой.

Он собирался вывести Линь Сяоча из кабинета, чтобы найти подходящее место для еды. Хань Юй всегда был элегантным, и ему, конечно, не нравилось, что в его кабинет проникают эти непристойные запахи.

Но он не ожидал, что Хань Юй равнодушно скажет: "Просто поставь его сюда".

Сянмин был очень удивлен. Когда-то пятый старейшина хотел съесть здесь фрукты, но тот не разрешил.

Линь Сяоча посмотрела на бесчисленные блюда на подносе и очень удивилась.

Хотя ее баловали в течение двух лет, она все еще имела привычку не трогать еду, но она также знала, что у Сянмина хорошие намерения, поэтому она поблагодарила его и села в стороне, чтобы поесть.

Хань Юй знал, что она медленно ест, поэтому не стал ее подгонять и закрыл глаза.

От нее исходил слабый запах чая, который успокаивал его.

В последние два года ему было очень трудно заснуть, но сейчас он неосознанно заснул.

Но он не ожидал, что когда он проснется, она все еще будет есть. Она даже ела со слезами на глазах.

Все было так же, как и два года назад. Поскольку она боялась зря выбрасывать еду, она могла лишь сидеть и есть до самого вечера.

"Не ешь больше, если не можешь доесть".

Линь Сяоча ответила: "Да, Сяньцзюнь. Просто съешь еще немного". Так будет меньше потерь.

Хань Юй вздохнул, встал со стула и подошел к Линь Сяоча.

Линь Сяоча подняла свои водянистые глаза и посмотрела на него, гадая, что он собирается делать?

Он поднял со стола посуду, сел рядом с ней и начал перебирать оставшиеся блюда.

Сидящий сбоку Сянмин не мог поверить своим глазам: Хань Юй действительно ел!

Линь Сяоча тоже была удивлена. Это все были ее объедки.

"Сянь..."

Хань Юй, державший миску, поднял глаза и слабо посмотрел на нее: "Я могу есть и спать".

Линь Сяоча сказала "О", но через некоторое время она могла только молчать.

Она была очень благосклонна и протянула свои палочки, чтобы взять блюда на тарелке, но палочки в руке Хань Юя преградили ей путь.

"Хватит есть".

Линь Сяоча поставила миску и смотрела, как он ест остатки ее еды. Ее ресницы слегка дрожали.

И Сянмин, казалось, почувствовал, что с его глазами что-то не так. Но после того, как он протер глаза, он все еще не мог поверить в происходящее.

Естественно, эти блюда не могли быть съедены подчистую, но им пришлось выбрасывать не так уж много.

Линь Сяоча с благодарностью сказал: "Сяньцзюнь, спасибо".

Хань Юй ничего не сказал. Он не мог вспомнить, сколько времени прошло с тех пор, как он ел в последний раз. О таких вещах можно было говорить, как о жевательном воске, но он не хотел смотреть, как она продолжает себя заставлять.

Линь Сяоча подошла к его столу и почтительно протянула ему воду: "Сяньцзюнь, выпей".

Хань Юй посмотрел на нежную и воспитанную девочку с мягким выражением лица. Когда он уже собирался взять у нее стаканчик, Сянмин вышел за дверь и вернулся. "Хань Юй, там молодой человек снаружи зала, который утверждает, что он Цзинь Чжифэн, хочет увидеть тебя, говоря, что у него есть специальное разрешение от главы".

Такой ученик, как Цзинь Чжифэн, который только начал свое обучение на горе Тяньюй, естественно, не имел права приходить на пик Шанхай, чтобы найти Хань Юя. Ему было позволено подняться сюда только после того, как он нашел главу и использовал свою личность как Молодой Городской Лорд.

Выражение лица Хань Юя слегка похолодело, а его руки замерли в воздухе.

Цзинь Чжифэн?

Естественно, он пришел не для того, чтобы найти его.

Он перевел взгляд на Линь Сяоча.

Линь Сяоча немного обрадовалась, услышав слова Цзинь Чжифэна. Она вспомнила, что ради этих двух миллионов пролила кровь и чуть не скормила демона-змею.

К счастью, он не забыл ее.

Теперь, когда она была всего в одном шаге от него, она боялась, что приготовленная утка улетит.

Но она подняла глаза и встретилась взглядом с глазами Хань Юя.

Красивые, как цветная глазурь, эти глаза казались прозрачными и чистыми, но почему-то чувствовалось, что они очень глубокие.

Увидев его глаза, Линь Сяоча почувствовала себя виноватой.

Он был похож на статую бога. Даже если он ничего не делал, он внушал благоговение и заставлял людей бояться послушаться.

А если подумать о ее яйце, то она все еще нуждалась в его защите.

Если бы он не заботился о ней, завтра она могла бы погибнуть, и две жизни были бы потеряны.

Словно не слыша слов Сянмина, она пододвинула чашку ближе к руке Хань Юя.

"Сяньцзюнь. Выпей воды".

Хань Юй отвел взгляд от ее лица и спокойно сказал Сянмину: "Нет".

Цзинь Чжифэн стоял под звездным небом за пределами зала. Его не удивляло, что Линь Сяоча игнорировала его. На этот раз он пришел, чтобы дать ей небольшой личный совет, прежде чем вернуться в город Цзиньцзюэ, чтобы решить вопросы, связанные с реализацией плана с Шан Юанем.

Он также пришел, чтобы извиниться перед ней. В прошлый раз, когда он потерял контроль над собой, он затащил ее на ветку и почти насильно поцеловал.

И теперь она не хотела его видеть, это тоже было разумно.

Он вздохнул и мог только печально уйти.

Линь Сяоча вышла из кабинета Хань Юя, но Хань Юй вовсе не собирался двигаться.

Линь Сяоча не мог не спросить у Сянмина: "Твой хозяин действительно не спит?".

Сянмин сказал: "Да, похоже, что он не может заснуть".

Линь Сяоча с любопытством спросил: "Будет ли бессмертный культиватор чувствовать себя некомфортно, если он не может заснуть?"

Сянмин: "Так и должно быть. Как марионетке, мне все равно нужен отдых".

Линь Сяоча вздохнула: "Это так жалко. Как это случилось?"

Это должна быть бессонница, но в это время, похоже, не было снотворного или чего-то подобного.

Кстати, говорили, что небольшое количество алкоголя может помочь заснуть.

"Может, попросить твоего Сяньцзюня выпить немного вина, чтобы попробовать".

Сянмин мог сказать, что Хань Юй был очень особенным для Линь Сяоча. Она не причинит вреда его хозяину.

Поэтому он кивнул.

Хотя Линь Сяоча не видела Цзинь Чжифэна, Хань Юй все еще чувствовал что-то в своем сердце.

Что, если придет Шан Юань?

Уйдет ли она?

Шан Юань был довольно знаменит. Раньше она думала о нем как о Шан Юане. Может быть, именно из-за Шан Юаня она была добра к нему раньше?

При мысли об этом у него начала болеть голова. Он не заметил, что прозрачная нефритовая роса на его столе была заменена вином под названием "Семидневное Опьянение" от пятого старейшины.

Выпив один глоток, он почувствовал, что что-то не так.

Он позвал Сянмина и спросил, что происходит. Он не ожидал, что Сянмин скажет ему, что Линь Сяоча сказала, что он может спокойно уснуть, если выпьет вина.

Он приложился к своему лбу, но почувствовал еще большее головокружение.

У него была плохая способность пить, поэтому он не любил пить. Он попросил Сянмина достать для него отрезвляющую таблетку, но вдруг вспомнил, что таблетка находится в его спальне.

Он тут же остановил его и пошел в спальню один, держась за стену.

Линь Сяоча сегодня очень устала, но она не могла уснуть, потому что ее мозг был слишком возбужден.

Сегодня были большие взлеты и падения от человека, с которым она обошлась неправильно, и она чувствовала большую печаль и радость.

Но сто миллионов были для нее как морковка, висящая перед ослом. Она видела ее, но не могла съесть.

Теперь она сожалела об этом.

В первую очередь она жалела о том, что заключила с этим яйцом контракт на жизнь и смерть, а во вторую - о том, что из-за жадности не попросила Шан Юаня жениться на ней прямо на месте.

Что касается Хань Юя...

Линь Сяоча все еще чувствовала себя немного тронутой всем тем, что он сделал для нее сегодня.

К сожалению, он был не тем человеком.

Если бы в могильнике в том году он сказал, кто он... Нет, даже если бы он просто сказал, что он не Шан Юань, может быть, это не было бы так неправильно с самого начала.

Когда Линь Сяоча коснулась яйца на животе, дверь скрипнула, пока она думала, что делать дальше.

Линь Сяоча не паниковала. Во всем пике Шайхай только один человек мог войти в эту комнату поздно ночью, поэтому она закрыла глаза и притворилась спящей.

Темп Хань Юя уже не был таким спокойным, как раньше. Он достал из ящика стола рядом с кроватью Линь Сяоча отрезвляющую таблетку и принял одну таблетку. Голова уже не так

сильно болела, но ему все еще было не по себе.

Из-за жжения в желудке ему очень хотелось выпить чаю, чтобы его прижать. Однако он выбросил весь чай с пика Шайхай два года назад.

В это время раздался взрыв чайного аромата.

Он опустил глаза и увидел маленькую девочку на кровати.

У нее была гладкая кожа и длинные ресницы. Ее розовые губы были кристально чистыми.

Ее губы вызывали у него зуд ненависти. Это искушение он испытывал днем и ночью два года назад. Особенно когда она прикусила губу, ему очень хотелось укусить ее.

А под влиянием семидневного пьянства его давно подавленные эмоции усилились.

Он вдруг почувствовал жажду и сухость.

В нос Линь Сяоча ударил запах хвои и снега от тела Хань Юя.

Она снова начала нервничать. Но, будучи королевой актерского мастерства уровня Оскара, она все еще считала, что ее актерские навыки безупречны.

Она ровно дышала и вся расслабилась.

Она не ожидала, что Хань Юй подойдет ближе, и ее сердцебиение вдруг стало очень быстрым.

Струна его чувств сразу оборвалась.

Он наклонился и, не раздумывая, поцеловал ее в губы.

Когда холодные и мягкие губы Хань Юя накрыли ее губы, сердце Линь Сяоча готово было выпрыгнуть.

Она хотела сопротивляться, но не стала.

Ведь если она проснется в это время, все станет еще хуже. Но если притвориться, что заснула, и сделать вид, что ничего не знает, то можно было сделать вид, что ничего не произошло.

Человека, который притворяется спящим, невозможно разбудить.

Она изо всех сил старалась притвориться спящей, даже не смела хвататься за простыни. Очевидно, она была очень близка к нервному срыву, но все равно притворялась очень спокойной.

Хань Юй не думал об этом слишком много, но не ожидал, что вкус ее губ окажется таким приятным. Особенно после двух лет воздержания от чая, когда он попробовал этот долгожданный вкус и почувствовал еще большую жадность.

Но разум в его костях подсказывал ему, что нужно быть сдержанным, поэтому он старался быть нежным.

Пока не обнаружил, что она притворяется спящей и не хочет просыпаться.

Гнев, усиленный вином, сломил его сдержанность.

<http://tl.rulate.ru/book/57527/1680134>